

— Что случилось? — странно спросил Ло Цин. Он что-то сказал не так?

Гу Лянвэй отвела взгляд, устремив его на Сюй Гуанчуаня, который смотрел на неё с ядовитой злобой. Она была чувствительна к чужим взглядам и знала, что Сюй наблюдал за ней уже давно.

Даже если ей удастся выбраться живой из этой гробницы Инь, Сюй Гуанчуань не оставит её в покое.

Гу Лянвэй не боялась его, но испытывала отвращение. Этот человек был способен на всё. Если она останется в живых, он не остановится и будет преследовать её семью до конца. Её бабушка уже в годах, и ей не перенести таких потрясений.

Вражда между семьёй Гу и Сюй Гуанчуанем должна быть разрешена здесь, в гробнице Инь.

Здесь было полно ловушек, и если кто-то не выживет, это будет вполне естественно.

Лицо Гу Лянвэй потемнело.

Сюй Гуанчуань, конечно, заметил мрачное выражение на её лице. Он нервно подёрнул бровью, огляделся и направился к Се Чунь, которая находилась рядом с двумя выжившими наёмниками. Этим он явно показывал свою позицию.

Се Чунь была его опорой.

Она смогла получить доступ к передовым японским спутниковым технологиям, и эти наёмники подчинялись её приказам. Её связи были глубокими, и связываться с ней было не лучшей идеей.

Гу Лянвэй глубоко вздохнула, стараясь отогнать мрачные мысли. Она выросла вместе с Сюй Ци, можно сказать, что Сюй Гуанчуань наблюдал за ней с детства. Их семьи были близки на протяжении десятилетий, и между ними существовала глубокая дружба. Хотя в истории с гробницей императорской наложницы Сюй Гуанчуань проявил себя не с лучшей стороны, Гу Лянвэй всё ещё испытывала к нему некоторую привязанность, ведь до этого он относился к ней хорошо.

Старых друзей, связанных с Сэлин, осталось не так много, и Гу Лянвэй не хотела причинять вред Сюй Гуанчуаню, если только не будет вынуждена. По крайней мере, пока он не пытался навредить ей напрямую. К старому другу из Сэлин она не хотела применять жёстких мер.

Гу Лянвэй передала Ло Цину спиртовую салфетку и равнодушно сказала:

— Ничего, действуй.

Ло Цин с недоумением взял салфетку. Неужели он сказал что-то не то, что так быстро разозлило её?

Гу Лянвэй с фонариком в руке вернулась к переходу между погребальным коридором и передней камерой. Осветив стену с фресками, она слегка облегчённо вздохнула: фрески всё ещё были на месте. Значит, это не галлюцинация.

Странно, обычно настенные росписи в гробницах изображают события из жизни погребённого. Но эти восемь фресок рассказывали истории о восьми императорах, искавших путь к

бессмертию. Неужели здесь похоронены восемь императоров? Это было бы слишком невероятно. Даже два императора не могли быть погребены вместе, ведь каждый считал себя истинным сыном Неба, слишком возвышенным, чтобы делить гробницу с другим. Хотя местная геомантия была необычной, более вероятно, что несколько императоров боролись за это место, ведь никто не хотел бы, чтобы его ложе занимал другой.

Тогда что же означают эти восемь фресок, если они не связаны с погребённым? Неужели это гробница той самой небесной феи? Это было бы ещё более невероятным.

Боясь активировать ловушки, Гу Лянвэй осталась на границе коридора и передней камеры, наблюдая за происходящим. Вэй Юйфэй, хотя и заткнул уши ватой, чтобы не слышать детскую песню, был слишком взволнован, чтобы отдыхать. Коридор был завален золотом и драгоценностями, а боковые камеры, по словам Гу Лянвэй, были заполнены телами. В одной из них недавно погиб человек. Поэтому, несмотря на усталость, Вэй Юйфэй, жуя сухой паёк, подошёл к Гу Лянвэй. Теперь он считал, что она, несмотря на свою холодность, была самой надёжной. По крайней мере, более надёжной, чем наёмники, чем Се Чунь, которая то и дело хваталась за пистолет, и чем... внезапно ставший жестоким Сюй Гуанчуань. Не говоря уже о том, что Гу Лянвэй не раз выводила археологическую группу из опасных ситуаций. Например, совсем недавно она, рискуя жизнью, преградила путь в боковую камеру, чтобы защитить их, и даже под дулом пистолета Се Чунь не дрогнула. Вэй Юйфэй восхищался ею. Как там сказал Ло Цин? «Царственная осанка» — вот именно! Точно подмечено!

К тому же эта «царица» была ещё и очень красивой!

Вэй Юйфэй уже не смел даже мечтать о Се Чунь, поэтому обратил внимание на Гу Лянвэй. Не то чтобы он был романтиком, просто мыслил он довольно просто. Вэй Юйфэй считал себя привлекательным и обаятельным, в отличие от грубоватого Ло Цина. У него было лицо, которое нравилось девушкам, и ему не раз признавались в симпатии. Почему бы Гу Лянвэй не проникнуться к нему чувствами? Если она влюбится в него, то точно будет защищать его. С такой подружкой он ничего не терял, наоборот, это была взаимная выгода! Раньше он, конечно, вёл себя с ней не слишком любезно, но если он проявит инициативу и будет добр, разве она не ответит ему взаимностью? Чем больше он об этом думал, тем больше убеждался в своей правоте. Подойдя к Гу Лянвэй, он хотел завести разговор, но, увидев, как она что-то шепчет, не расслышал слов. Из-за ваты в ушах он подумал, что и она его не слышит, и потому громко крикнул:

— Что ты сказала? — Едва не выплюнув крошки сухого пайка ей в лицо, он смущённо вынул вату из ушей.

— Я сказала, что у меня плохое настроение, и я хочу кого-нибудь ударить, — зловеще посмотрела на него Гу Лянвэй. — Отойди подальше.

— О, — неудачно начав, Вэй Юйфэй, понурился, как побеждённый петух, вернулся к остальным членам археологической группы.

Ло Цин подумал, что его выражение лица идеально подошло бы для мема с подписью «обиженный».

Детская песня не прекращалась, и, послушав её некоторое время, она уже не казалась такой загадочной и пугающей. Напротив, она начала раздражать. Ло Цин, немного расслабившись, пошутил:

— Этому маленькому призраку, похоже, не надоедает петь. Уже больше десяти минут

продолжается.

— Может, ты его сменишь и споешь вместо него? — Вэй Юйфэй язвительно фыркнул.

— Я бы с радостью, но у меня нет слуха. Я не фальшивлю только в одной песне, — смущённо почесал затылок Ло Цин.

— В какой? — спросил Вэй Юйфэй.

— Гимн, — слабым голосом ответила Юэ Чжоу. Она наконец пришла в себя.

Се Чунь собрала Гу Лянвэй и двух наёмников, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Гу Лянвэй внимательно осмотрела Се Чунь. Та, похоже, не испытывала никакой скорби по поводу гибели наёмников. В отличие от Брата Ханя, который стал ещё мрачнее и печальнее после смерти Малого Дракона. Раньше казалось, что Брат Хань не ценит жизнь чёрной кошки, но теперь стало ясно, что он действительно ценил жизнь — только человеческую.

— Как думаешь, когда эта песня прекратится? — спросила Се Чунь у Гу Лянвэй. Они уже не боялись этой песни, но это не значит, что она не вызывала беспокойства. Продвигаться вперёд под эту мелодию казалось неблагоприятным, и, если песня не прекратится, это может повлиять на их способность оценивать окружающую обстановку. Если они случайно активируют какую-нибудь ловушку, то не успеют среагировать.

— Не знаю, — равнодушно ответила Гу Лянвэй. — Если это механизм, то никто не может знать, когда он остановится. Может, через час, может, через день. А может, этот механизм, вызывающий галлюцинации, раз активировавшись, никогда не остановится.

— Это неприемлемо, — сразу же заявила Се Чунь.

— Тогда иди и скажи это владельцу гробницы Инь. Скажи ему: «Это неприемлемо», — Гу Лянвэй повторила интонацию Се Чунь, а затем спокойно добавила:

— Может, он растает от твоих слов и отключит механизм.

Один из наёмников, возмущённый безразличием Гу Лянвэй, сразу же навёл на неё пистолет:

— Се Чунь обсуждает с тобой план действий, а ты тут шутишь!

— Как же я испугалась, — с презрением посмотрела Гу Лянвэй на пистолет, явно не придавая этому значения.

Се Чунь внимательно наблюдала за Гу Лянвэй. Та, хоть и казалась беззаботной, но Се Чунь заметила, как её левая рука легла на правое предплечье, а пальцы сжались в кулак, причём указательный и большой пальцы были сведены вместе, что указывало на технику «одного пальца».

Вспомнив неторопливую походку Гу Лянвэй, Се Чунь была уверена, что та успеет ударить наёмника по горлу раньше, чем он успеет выстрелить.